



<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-2-205-215>

*Научная статья / Research article*

## Крымская война 1853–1856 гг. в пространстве памяти России и Франции

П. Малиновски<sup>а</sup>, Е.В. Линькова<sup>б</sup>

<sup>а</sup>Фонд развития русско-французских исторических инициатив,  
115230, Москва, Хлебозаводский проезд, дом 7 строение 9,  
[french.russia.historical.fund@gmail.com](mailto:french.russia.historical.fund@gmail.com)

<sup>б</sup>Российский университет дружбы народов,  
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10,  
[e.v.linkova@yandex.ru](mailto:e.v.linkova@yandex.ru)

**Аннотация:** На примере меморизации различных войн и ключевых исторических событий представляется возможным реконструировать и осмыслить ценностные ориентиры государств на определенных этапах развития. В настоящей статье предлагается обратиться к истории Крымской войны 1853–1856 гг., которая нашла свое отражение в исторической памяти двух стран-участниц – России и Франции. При подобном компаративном подходе авторы обращают внимание на различные уровни коммеморации данного события: речь идет о научных изысканиях, посвященных Крымской кампании, о народной памяти поколений, о государственных и политических практиках по увековечиванию героев и событий войны. Авторы анализируют данные аспекты и выявляют, какие из них получили наибольшее распространение в России и Европе, благодаря чему память о Крымской войне сохраняется в современном обществе. При этом анализируется феномен «забытой войны» – термина, вошедшего в научный лексикон французского сообщества и употребляемый для описания кампании 1854–1856 гг. Исследование проблемы дает возможность ответить на немаловажный вопрос: для чего существуют те или иные традиции памяти, помогают ли они формированию общественного сознания и ценностных установок.

**Ключевые слова:** Крымская война, историческая память, коммеморации, российско-французские отношения, военная история

**Для цитирования:** Малиновски П., Линькова Е.В. Крымская война 1853–1856 гг. в пространстве памяти России и Франции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 2. С. 205–215. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-2-205-215>

## The Crimean War of 1853–1856 in the Memory Space of Russia and France

Pierre Malinowski<sup>а</sup>, Elena V. Linkova<sup>б</sup>

<sup>а</sup>Foundation for the Development of Russian-French Historical Initiatives,  
7, building 9, Khlebozavodsky proezd, Moscow, 115230, Russia,  
[french.russia.historical.fund@gmail.com](mailto:french.russia.historical.fund@gmail.com)

<sup>б</sup>RUDN University, 10, Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia,  
[e.v.linkova@yandex.ru](mailto:e.v.linkova@yandex.ru)

**Abstract:** On the example of commemoration of various wars and key historical events, it is possible to reconstruct and comprehend the value orientations of states at certain phases of their development. In this article, we propose to turn to the Crimean War of 1853–1856, which was reflected in



the historical memory of the two participating countries – Russia and France. With such a comparative approach, attention is drawn to different levels of commemoration of this event: we are talking about scientific research on the Crimean campaign, about the people's memory of generations, about state and political practices. The authors analyze these aspects and identify which of them are most widespread in Russia and Europe, so that the memory of the Crimean War is preserved in modern society. The authors analyze the phenomenon of the “forgotten war” – a term that has entered the scientific lexicon of the French community and is used to describe the campaign of 1854–1856. The study of the problem makes it possible to answer an important question: why do certain traditions of memory exist, whether they help to form a certain consciousness, value attitudes.

**Keywords:** Crimean War, historical memory, commemorations, Russian-French relations, military history

**For citation:** Malinowski, Pierre, and Linkova, Elena V. “The Crimean War of 1853–1856 in the Memory Space of Russia and France.” *RUDN Journal of Russian History* 20, no. 2 (May 2021): 205–215. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-2-205-215>

## Введение

Импульсом к проведению настоящего исследования послужили результаты археологической экспедиции, организованной Фондом развития русско-французских исторических инициатив в октябре 2020 г. Речь идет о первом в своем роде франко-российском поисковом проекте в Крыму, в ходе реализации которого археологи обнаружили останки десятков солдат разных стран, погибших в сражениях на реке Альме, при Инкермане и Севастополе. Важно отметить, что Фонд, возглавляемый французским общественным деятелем Пьером Малиновски, уже проводил археологические раскопки под Вязьмой в поисках артефактов Отечественной войны 1812 г., а также в местах, связанных с историей Первой мировой войны. В перспективе планируются изыскания под Сталинградом, Курском и на Камчатке<sup>1</sup>. Совместные научные акции вызывают заметный общественный резонанс, дискуссии во французских и российских СМИ о необходимости, задачах, скрытых целях подобных проектов, что придает им определенный политический оттенок. Однако, при всей остроте полемики, которая ведется вокруг столь ярких международных инициатив, одно остается очевидным: и в России, и во Франции сохраняется определенный запрос на сохранение исторической памяти, на меморизацию тех событий, которые стали важными вехами в развитии не только отдельных государств, но и всего европейского сообщества. К подобным событиям, безусловно, относится Крымская война 1853–1856 гг.

Коммеморация тех или иных исторических событий предполагает не только их презентацию и оценку, но и ракурс восприятия из дня сегодняшнего. Она несет в себе нравственное, политическое и общественное содержание и зачастую используется государством в целях консолидации и самоидентификации социума. По мнению одного из авторитетных исследователей проблемы П.Х. Хаттона, «это та сторона памяти, при помощи которой мы осознанно восстанавливаем образы прошлого, выбирая то, что подходит нуждам нашей сегодняшней ситуации»<sup>2</sup>.

Задачами настоящей статьи являются выявление, анализ и реконструкция методов и результатов коммеморации Крымской войны в российском и французском обществе. Совокупность историко-сравнительного, историко-антропологического методов, принципа историзма стала методологической базой, создающей условия для решения поставленных задач. Данные методы и принципы позволили провести сравнительный анализ, дифференцировать особенности коммеморативных практик, оценить результаты их применения на государственном уровне, выявить стереоти-

<sup>1</sup> Официальный сайт Фонда развития русско-французских исторических инициатив. URL: <https://french-russia-historical-fund.com/future> (дата обращения: 4.12.2020).

<sup>2</sup> Хаттон П.Х. История как искусство памяти. СПб., 2003. С. 23.

пы восприятия определенных событий прошлого и механизмы их формирования. Выбор Крымской войны в качестве объекта изучения единого пространства памяти объясняется тем, что в России сложились довольно прочные традиции, связанные с Отечественной войной 1812 г. и Великой Отечественной войной, с местами памяти, героями войн и т.д. Подобные же тенденции свойственны для Франции в отношении Франко-прусской войны 1870–1871 гг. и Первой мировой войны. Однако именно Крымская война 1853–1856 гг., которая зачастую остается в тени других военных конфликтов (особенно во Франции), явилась тем поворотным событием, которое оказало существенное влияние на изменение международной обстановки, способствовало разрушению Венской системы международных отношений, реваншу Наполеона III за поражение Наполеона Бонапарта, ослаблению России на южных рубежах и, одновременно, выдвигала на лидирующие позиции новых геополитических лидеров, например Пруссию. Данная война явилась по сути первым опытом противостояния России объединенным европейским силам, причем речь шла как об объединении военном (Великобритания, Франция, Сардиния), так и о дипломатическом (примкнувшая к европейскому блоку Австрия). Неслучайны и различные названия данной войны – «нулевая» или «предмировая», встречающиеся в зарубежной и российской историографии и отражающие ее особое место в истории.

Историографическая традиция Крымской войны зародилась еще в 1854–1856 гг. Работы этого периода были посвящены изучению различных документальных материалов и касались не только хода военных действий<sup>3</sup>, но и причин конфронтации. Они выстраивали хронологию событий<sup>4</sup>, анализировали дипломатическую борьбу<sup>5</sup>.

Обращаясь к историографии данной научной проблемы, необходимо отметить, что вопрос о создании монументов и праздновании годовщин, связанных с Крымской кампанией, изучался как во французском, так и в российском научном сообществе<sup>6</sup>. Исследователи затрагивали и вопрос о природе исторической памяти<sup>7</sup>, о социальной направленности подобной практики, зачастую не выделяя ее в качестве отдельного направления<sup>8</sup>.

<sup>3</sup> Богданович М.И. Крымская война 1853–1856 гг. М., 2014; Бестужев И.В. Крымская война 1853–1856 гг. М., 1956; Дубровин Н.Ф. 349 – дневная защита Севастополя. СПб., 2005; Дубровин Н.Ф. Восточная война 1853–1856 годов. Обзор событий по поводу сочинения М.И. Богдановича составил Н. Дубровин. СПб., 1878; Скицкий Н.В. Крымская война 1853–1856 годы. М., 2006; Яковлев А. Крымская война 1853–1856. М., 2007.

<sup>4</sup> Bazancourt C.L. La marine française dans la Mer noire et la Baltique: chroniques maritimes de la guerre d'Orient. Paris, 1856-1857; Bazancourt C.L. L'expédition de Crimée jusqu'à la prise de Sébastopol: chroniques de la guerre d'Orient. Paris, 1856; Ferbalier M. Histoire de la campagne de Crimée et du siège de Sébastopol par M. de Ferbalier, officier d'état-major. Paris, 1854; de Giustiniani H. Commentaire sur les opérations militaires en Crimée. Paris, 1857; Roy J.-J.-E. Histoire du siège et de la prise de Sébastopol précédée d'une notice sur la Crimée et sur les causes et les principaux événements de la guerre d'Orient. Tours, 1856; Siège de Sébastopol et guerre de Crimée. Paris, 1856.

<sup>5</sup> Погодин М.П. Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны (1853–1856). М., 1874; Татищев С.С. Русская дипломатия, старая и новая. Европа накануне Восточной войны 1853–1856 годов. Poleмические статьи о дипломатии. М., 2017; Фадеев Р.А. Мнение о восточном вопросе. По поводу последних рецензий на «Вооруженные силы России». СПб., 1870; Фадеев Р.А. Черноморский военный театр. По поводу Крымской железной дороги. СПб., 1870; Чичерин Б.Н. Восточный вопрос с русской точки зрения. М., 1860.

<sup>6</sup> Гладышев А.В. Великие сражения в исторической памяти или почему машут кулаками после драки // История и историческая память. Саратов, 2019. С. 167–182.

<sup>7</sup> Булыгина Т.А. Модели исторической памяти в воспоминаниях о войне // История и историческая память. Саратов, 2010. С. 5–19.

<sup>8</sup> Багдасарян В.Э. К 160-летию начала Крымской войны: взгляд через призму теории борьбы цивилизаций. URL: <http://vbagdasaryan.ru/k-160-letiyu-nachala-kryimskoy-voynyi-vzglyad-cherez-prizmu-teorii-borbyi-tsvivilizatsiy/> (дата обращения: 04.12.2020).

Особого внимания заслуживают работы французских историков о феномене памяти. По мнению П.Х. Хаттона, «интерес историков к проблеме памяти был в значительной степени инспирирован французскими исследователями» – П. Нора, Ф. Арьесом, М. Блоком и Л. Февром, Ж. Ле Гоффом и др. Исследователь пишет, что «он берет свое начало в работах по истории коллективных ментальностей, ожививших еще в 60-е годы французскую историографию»<sup>9</sup>. Более того, П.Х. Хаттон приходит к выводу о том, что историческое познание в современную эпоху становится непосредственным образом связанным с политикой коммеморации, которая дает возможность, по его словам, «...идентификации и описанию тех событий, идей или личностей прежнего времени, которые избираются посредниками власти для хранения в памяти». Пространство памяти – это та сфера, где «пересекаются исследования культур-антропологов, психологов, литературоведов и специалистов по устной традиции...»<sup>10</sup>. Таким образом, «пространство памяти» становится некоей традицией, на которую, согласно теории Э. Хобсбоума, опирается общество и государство. Мир меняется, заставляя человека искать для себя новые точки опоры, а государство – новые символы и скрепы. И память о героическом прошлом как раз и выполняет в меняющемся мире подобные функции.

Как справедливо отмечает историк Т.А. Булыгина, «очевидна прямая зависимость исторической памяти от социальных потребностей современности и ее инструментальный характер в процессе интерпретации исторической судьбы и перспектив того или иного социума»<sup>11</sup>. Во многом Крымская война и явилась тем символом, который превратился в точку опоры, в средство познания себя, своей идентичности в условиях перемен.

### **Становление образа Крымской кампании в России и во Франции**

Формирование исторической памяти о Крымской кампании – это процесс, который берет начало еще в 1854–1856 гг., причем как в России, так и во Франции. Тем интереснее обращение к различному опыту меморизации данной войны, ведь, как логично указывает историк А.В. Гладышев, «различные национальные нарративы формируют об одном и том же событии в исторической памяти своего народа различные образы»<sup>12</sup>. Безусловно, события 1853–1856 гг. привлекали к себе повышенное внимание не только участников и свидетелей военных действий, но и многонациональной аудитории, причем как в XIX в., так и в современную эпоху. Однако, несмотря на значимость и масштабы Крымской войны, в научном сообществе и общественном сознании эта война долгое время находилась в тени Первой (что больше свойственно для Франции и Второй мировых войн, антинаполеоновских кампаний, противоборства Франции и Германии в 1870–1871 гг. С одной стороны, сражения и битвы Крымской кампании увековечены в названиях бульваров и улиц французских городов, а в России Севастополь традиционно символизировал героическое прошлое страны. С другой – исследования истории Крымской кампании, а главное, коммеморативные практики носили зачастую эпизодический характер, не имели столь масштабного характера, как другие страницы военного прошлого, уже упомянутые ранее.

Образ Крымской войны начал складываться в российском и французском общественном сознании в конце 1850-х – 1860-е гг. Главными его создателями можно считать непосредственных участников военных действий – офицеров, солдат, военных инженеров, медиков, которые оставили мемуары, поделились самыми яркими впечатле-

<sup>9</sup> Хаттон П.Х. История как искусство памяти... С. 33–34.

<sup>10</sup> Там же. С. 30, 33.

<sup>11</sup> Булыгина Т.А. Модели исторической памяти... С. 7.

<sup>12</sup> Гладышев А.В. Великие сражения... С. 167.

ниями о событиях в Крыму и о своем опыте. Причем подобного рода литература создавалась вплоть до начала 1900-х гг., т.е. до того времени, пока еще были живы ветераны войны. Однако нельзя не отметить, что передаваемые сведения не всегда отличались объективностью, зачастую с годами они утрачивали правдоподобность, дополнялись размышлениями и умозаключениями, которые приходили к автору значительно позже, под влиянием официальной пропаганды или при естественной переоценке пережитого. И анализ данного взаимодействия истории и памяти, причем памяти, трансформирующейся в общественном сознании, представляется особенно интересным.

Воспоминания военных стали важным источником при создании образа войны, а значит, повлияли и на конструирование коллективной идентичности. Так произошло в России во второй половине XIX в., сходные же процессы были свойственны и Франции.

По мнению историка О.В. Павленко, «эта идентичность создавалась как системный проект власти, ответ на национальный сепаратизм в имперских государствах, левый радикализм молодежи и разночинцев, протесты фабричных рабочих»<sup>13</sup>. Сходную мысль мы можем обнаружить в знаменитой работе Ф. Арьеса, отмечавшего, что меморизация войн – это процесс, который берет истоки именно во второй половине XIX в. Ф. Арьес писал: «Никогда на Западе различные классы не знали так мало друг о друге, как во второй половине XIX в., стремясь замкнуться в мирке собственного квартала, своих родственных связей, не вступая в соприкосновение с соседними мирками. Когда вселенское движение повлекло людей, вне зависимости от их положения в обществе, в адский водоворот войны и революции, эти консервативные сообщества были вынуждены устремить взгляд за собственные пределы...»<sup>14</sup>.

Память о войнах создает своего рода основу, базу для объединения разнородных общественных слоев. И в этой связи возможно задать резонный вопрос: не является ли практика героизации исторического прошлого тем инструментом, который использует государство в определенный момент для решения собственных внутренних задач: экономических, социальных, политических?

Исторический опыт войн, которые вела Россия, всегда был мощным механизмом для консолидации общества, стимулировал к повторению подвигов предков, служил мотивацией и базой патриотического воспитания. Поскольку Крымская война явилась важным моментом не только в истории России, но и стран-участниц (Англии, Франции, Сардинии), а последствия кампании привели к изменению положения Пруссии и началу активной фазы объединения германских земель, то и в общественном сознании европейских государств события в Крыму в 1854–1856 гг. нашли живейший отклик. Дискуссии в прессе велись и по поводу ситуации на Ближнем Востоке и на Балканах, и вокруг тех причин, которые способствовали началу конфликта.

Необходимо отметить, что Крымская кампания была, по-видимому, первой европейской войной, столь активно освещаемой в медийном пространстве всех стран-участниц. В национальной прессе европейских государств публиковались военные хроники, печатались репортажи, фотографии с мест боев, из Севастополя, Инкермана, Керчи. Поэтому неслучайно Крымская кампания столь остро воспринималась не только в России, на территории которой велись военные действия, но и в английском, и французском обществе. Неудивительно, что и после войны интерес к событиям в Крыму не угас, а запрос на меморизацию войны был вполне логичным и во многом исходил не от государства и правительств, а от общества.

<sup>13</sup> Павленко О.В. Крымская война в исторической памяти Российской империи на рубеже XIX–XX вв. // Вестник РГГУ. Серия: Международные отношения. Зарубежное регионоведение. 2014. № 18. С. 9.

<sup>14</sup> Арьес Ф. Время истории. М., 2011. С. 49.

## Механизмы меморизации Крымской войны

Известно, что еще во время войны и сразу после ее окончания французы начали увековечивать свои наиболее значимые победы. Тому свидетельством – площадь Альма и мост Альма через Сену, названный в честь победы в Альминском сражении, бульвар Севастополя, улицы Крыма и Евпатории, проспект Малахов.

Для Наполеона III победа в Крымской войне имела большое политическое значение, способствовала укреплению Второй Империи. Разрушив Венскую систему, основанную на поражении Наполеона Бонапарта, она стала своего рода реваншем за катастрофу 1812–1815 гг. Неудивительно, что в первые послевоенные годы во французском обществе наблюдался явный интерес к мемуарам участников войны, началось формирование французской историографической традиции Крымской кампании, органично вписавшейся в исследования столь популярной во Франции военной истории. Кроме того, уже в апреле 1856 г. в центре Парижа был сооружен один из главных памятников Второй Империи, посвященных войне – мост Альма со статуями французских военных – зуава, пехотинца, артиллериста и гренадера, непосредственных участников кампании 1854–1856 гг.

Однако уже в 1870-е гг. Крымская война и ее герои были заметно оттеснены событиями Франко-прусской войны, колониальными конфликтами, а в начале XX в. – Первой мировой войной. В 1920-х гг. интерес к военной проблематике и вовсе ослабевает, и «история сражений» уступает место социальной и экономической истории. Кроме того, можно отметить, что если для России именно страницы военного прошлого становились той скрепой и объединяющим началом (и данная тенденция сохранялась на протяжении XIX–XX вв.), то во Франции подобной основой явилась все же Великая французская революция, укрепившая национальное единство и завершившая процесс складывания национальной идентичности. Однако, несмотря на подобное забвение Крымской кампании, война продолжает изучаться в научном сообществе<sup>15</sup> и привлекает внимание тех французов, которые стремятся к сохранению памяти своих предков.

Военная проблематика всегда вызывала живейший интерес в российском обществе. Собственно военные действия, их результат становились порой мерилем эффективности внутренней политики, внешнеполитического курса правительства. И если Отечественная война 1812 г. и заграничные походы русской армии воспринимались в том числе как результат грамотного руководства, как доказательство некоего превосходства России и ее государственных, военных и духовных традиций, то Крымская война спровоцировала волну критики со стороны как консервативных, так и либеральных кругов российского общества. Нельзя сказать, что неудачная война была намеренно предана забвению, но в 1860-е гг. ввиду внутривнутриполитических изменений можно отметить спад интереса к военной проблематике. В общественной мысли наблюдается повышение интереса именно к внутренней проблематике, что, впрочем, вполне объяснимо. Да и во внешнеполитическом дискурсе центральное место занимает польский вопрос, а также начавшийся процесс присоединения Средней Азии<sup>16</sup>.

С другой стороны, важно отметить, что уже в ходе событий 1854–1856 гг. в России начинается меморизация битв и героев войны. В это время Крым и Сева-

<sup>15</sup> Примером может послужить международная конференция, организованная Университетом Париж Пантеон Сорбонна 7–9 ноября 2019 г. «La guerre de Crimée, première guerre moderne?». См. программу: [https://www.musee-armee.fr/fileadmin/user\\_upload/Documents/Colloques\\_\\_\\_conferences/Programme\\_colloque\\_Crime\\_e.pdf](https://www.musee-armee.fr/fileadmin/user_upload/Documents/Colloques___conferences/Programme_colloque_Crime_e.pdf) (дата обращения: 10.12.2020).

<sup>16</sup> Арсланов Р.А., Климашин А.Л. Периодические издания России рубежа XIX–XX вв. о социокультурной адаптации русских переселенцев в Средней Азии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2017. Т. 16. № 3. С. 347–363.

стополю превратились в символ героизма русской армии, причем армии в лучших традициях блистательной екатерининской эпохи. Историк и публицист М.П. Погодин, выражая общее чувство, писал: «Севастополь показал в полном блеске все, что есть прекрасного и высокого в Русской природе...»<sup>17</sup>. Однако подлинный процесс героизации Севастополя начнется несколько позже и будет связан не только с общественным запросом и патриотическим порывом, но и с государственной политикой, направленной на создание определенного настроения в российском социуме в начале XX в.

В 1871–1878 гг. в связи с существенными изменениями на мировой арене, с обострением Восточного вопроса, крымская тема вновь возвращается в качестве предмета общественных дискуссий. Более того, публицист М.Н. Катков отмечал, что Русско-турецкая кампания 1877–1878 гг. по сути явилась продолжением Крымской войны и тех противоречий, которые вовсе не были сняты в 1856 г. Крымская война закончилась в 1878 г., утверждал М.Н. Катков, «после двадцатидвухлетнего перемирия!»<sup>18</sup>.

Неслучайно, что именно в 1870-е гг. начинается процесс героизации Севастополя, монументализации памяти о Крымской кампании, продолжившейся, фактически, до Первой мировой войны. В данный период в России, как и во Франции, публикуются многочисленные мемуары и литературные произведения, посвященные сражениям в Крыму, складывается историографическая традиция изучения причин, хода и результатов войны, вызревают определенные геополитические концепции, в которых немалое место занимает анализ международной ситуации 1850-х гг.<sup>19</sup>

Кроме того, именно в 1870-е – начале 1900-х гг. Крымская война становится важным элементом не только общественной, народной, но и государственной политики памяти. Чекаются медали, посвященные войне, создаются первые монументальные комплексы, прославляются герои<sup>20</sup>. Так, в 1905 г. к 50-летию обороны Севастополя были сооружены памятники затопленным кораблям и Музей обороны Севастополя. Юбилейная дата широко отмечалась в Российской империи. Под руководством великого князя Александра Михайловича был учрежден Комитет по восстановлению памятников Севастопольской обороны и, наверное, центральным экспонатом музея явилась знаменитая севастопольская Панорама, заказ на создание которой получил основоположник российской художественной школы батальной и панорамной живописи Ф.А. Рубо.

В 1898 г. при посещении Севастополя Николаем II были торжественно открыты памятники П.С. Нахимову, Э.И. Тотлебену и С.А. Хрулеву. Подобный образ Севастополя не утратил своей актуальности и в Советской России. Город-крепость не раз демонстрировал свой героизм в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., когда защитники Севастополя явились достойными продолжателями традиций середины XIX в. Кстати, данные исторические параллели прослеживаются и в фильмографии, посвященной Крымской кампании, например в картине «Адмирал Нахимов», снятой режиссером В.И. Пудовкиным в 1946 г.

Севастополь и для русской, и для французской стороны имел важное символическое значение. Для французов Севастополь стал образом победы в Крымской войне, для России – героизма и стойкости. 11-месячная оборона Севастополя, наряду с Куликовской битвой и Бородинским сражением, превратилась в исторический

<sup>17</sup> Погодин М.П. Прибытия государя императора в Москву // Москвитянин. 1855. Т. 5. № 17, 18. С. 5.

<sup>18</sup> Катков М.Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1878 год. М., 1878. С. 64.

<sup>19</sup> Там же.

<sup>20</sup> Кузнецов А. Медали в память о Восточной (Крымской) войне 1853–1856 гг. // Ориентир. Журнал Министерства обороны Российской Федерации. 2009. № 2. С. 76–77.

пример «моральных побед» России. Данная тенденция в полной мере сохранялась и в советскую, и в современную эпоху. Что же касается Франции, то историк А. Гутман на этот счет справедливо писал: «Слава Севастополя была мимолетной. Позор Седана до сих пор распространяется на наследие Второй Империи и на память о Наполеоне III»<sup>21</sup>. Однако, несмотря на данное обстоятельство, кампания 1854–1855 г. до сих пор является примером амбициозной позиции французов, символом той политики, которая вернула Франции лидирующие позиции на европейской арене. В этой связи нельзя не вспомнить слова Шарля Де Голля, который через сто лет после Крымской войны отмечал, что «пружиной развития нации являются амбиции»<sup>22</sup>. Именно они столь ярко проявились в действиях французского императора в середине XIX в.

Крымская война, таким образом, стала источником многих символов, которые в дальнейшем использовались на государственном уровне и стали объединительным началом в ходе последующих войн, в которых участвовала Россия. Более того, в российском общественном сознании середины XIX в. Крымская война сыграла важную роль, направленную на понимание собственного положения в мире, самоидентификацию, а также «открыла... глаза на многое, обличила ложных друзей и указала истинных»<sup>23</sup>.

В целом для российского общественного сознания на протяжении всего XIX в. был свойственен живой интерес как к внутривосточной, так и к внешнеполитической составляющей. Эта особенность во многом отличала российскую общественную мысль от французской. Соглашаясь с точкой зрения историка А.В. Фененко, можно отметить, что во французском обществе полемика по проблемам внешней политики приобрела свою остроту и значимость лишь после поражения во Франко-прусской войне 1870–1871 гг.<sup>24</sup> Данное обстоятельство исследователь объясняет «исключительно благоприятным положением, которое занимал Париж в «европейском концерте», а также «отсутствием непосредственной военной опасности на границах, ... наличием одной из самых мощных сухопутных армий»<sup>25</sup>. Однако в России, какой бы мощной ни была ее армия, каких бы успехов она ни добивалась, как бы эффективно ни выполняли свои обязанности дипломаты, происходящее на мировой арене всегда было в центре внимания как консервативного, так и либерального общественно-политического дискурса. Более того, именно Крымская война спровоцировала и «появление» новой темы для размышлений: о природе войны как таковой, о ее трансцендентном смысле и его трансформации.

Крымская кампания и дискуссии о ее причинах повлекли за собой размышления о войнах в истории России, об их смысле, геополитических и историософских основаниях отечественной внешней политики. Кстати, данное явление свойственно не только для дореволюционной России. Коммеморативные практики зачастую приводят не только к размышлениям о недопущении повторения разрушительных военных конфликтов (как это происходит на примере празднования памяти Первой мировой войны во Франции), но и к дискуссиям о военной истории страны, об исторической судьбе государства, отстаивавшего право на национальную идентичность и суверенитет в противостоянии цивилизаций. Для России Крымская война и память о ней стали возможностью оценить историю страны именно в военном кон-

<sup>21</sup> Goultman A. *La guerre de Crimée 1853–1856. La première guerre moderne*. Paris, 2003. P. 401.

<sup>22</sup> Там же. P. 398.

<sup>23</sup> Аксаков К.С. *Эстетика и литературная критика*. М., 1995. С. 389.

<sup>24</sup> Фененко А.В. «Классический национализм» и внешнеполитические взгляды французских консерваторов XIX в. // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия гуманитарные науки*. 2002. № 1. С. 184–185.

<sup>25</sup> Там же. С. 185.

тексте. Например, отечественные консерваторы воспринимали события 1853–1856 гг. сквозь ракурс наполеоновских войн. Образ войны связывался с неким «очищением», «обновлением», импульсом к развитию страны.

В середине XIX в. еще не утратили силу представления о войне как о единственно возможном способе решения межгосударственных и межблоковых конфликтов, а также внешнеполитических задач государства. В то же время в международной сфере так и не появилось действенных механизмов для предотвращения вооруженной конфронтации, и даже конгрессовый этап европейской дипломатии продемонстрировал свою несостоятельность. Все же в геополитической ситуации того времени только государство с сильной армией и флотом, способное мобилизовать общество ради общих целей, могло быть достаточно уверенным в отстаивании своих интересов.

Признавая, что «война <...> есть явление, противное существу духа человеческого, показывающее несовершенство его нравственного состояния», российский мыслитель К.С. Аксаков отмечал, что «война часто является необходимостью и даже долгом для государства. Вместе с тем, требуя от народа разнообразных и необычных усилий, она будит в нем и нравственные, и физические силы и часто обновляет его существо»<sup>26</sup>. Вспоминая о Крымской войне, К.С. Аксаков признавал: «Человечество еще далеко от степени такого совершенства, и потому война еще нужна. Пусть, вырывая народы из обыденной колеи и становя их в необыкновенное состояние и отношение друг к другу, – война заставляет их короче узнать и самих себя, и друг друга»<sup>27</sup>. Можно добавить, что война, как и память о ней, является объединительным началом.

Наконец, еще одна составляющая меморизации войн, которая проявилась и в отношении Крымской кампании, – это реконструкция прошлого. Сохранение памяти о войне, размышления о ее природе, научные исследования, посвященные битвам и повседневной жизни на фронтах, – все эти аспекты способствуют погружению в историю. Как отмечал Ф. Арьес, историку следует «психоанализировать документы, как Марк Блок и Люсьен Февр психоанализировали средневековые и ренессансные свидетельства, чтобы выявить свойственную этим периодам ментальность – ту самую, которая была незаметна современникам и кажется удивительной на наш взгляд»<sup>28</sup>. Благодаря сохранению памяти о прошлом, реконструируя его, анализируя отдельные события и явления, исследователь погружается в него. В своей знаменитой работе, посвященной проблеме коммемораций, Ф. Арьес настаивал, что «историк современности должен покинуть настоящее, чтобы положиться на референциальное прошлое»<sup>29</sup>.

## Выводы

Меморизация войн, в частности Крымской кампании, имеет важное значение как в научном, так и в общественном и политическом плане. Во-первых, через коммеморативные практики идет процесс изучения источниковой базы и историографической традиции, реконструируется образ войны в представлении участников и очевидцев. Причем данные практики дают возможность увидеть, как менялся образ войны, какую роль в этом процессе сыграли различные институты памяти (архивы, музеи и т.д.), смена поколений и ценностных установок. Как отмечал П. Хат-

<sup>26</sup> Аксаков К.С. Эстетика и литературная критика. М., 1995. С. 389.

<sup>27</sup> Там же.

<sup>28</sup> Арьес Ф. Время истории. М., 2011. С. 243.

<sup>29</sup> Там же. С. 245.

тон, «история является искусством памяти», а «воспоминание связано с нашими попытками в настоящем пробудить прошлое»<sup>30</sup>.

Севастополь и Крым – это места памяти как для России, так и для Франции, «мемориальная территория»<sup>31</sup>, существование которой во многом характеризует современную эпоху. По мнению французского историка П. Нора, современный мир отличает некая «одержимость памятью». Применительно к французам он, а за ним и П. Рикёр, писали о том, что французское общество тяготеет к подобной исторической памяти, в которой ищет точку опоры и единства, т.к. «самопонимание французов идентифицировалось с историей становления государства-нации»<sup>32</sup>.

Изучая представления о Крымской войне в современном российском и французском обществе, возникает закономерный вопрос об актуальности исторической памяти о данном событии. Для России, как представляется, на этот вопрос можно ответить положительно, принимая во внимание особое отношение к Крыму и Севастополю, сформированное не политической пропагандой, а исходящее именно из исторической памяти. Что же касается Франции, то в научном сообществе совершенно явно присутствует исследовательский интерес в отношении данной военной кампании, изучаемой как с точки зрения стратегии Второй империи, так и с позиций военно-исторической антропологии. Недавние археологические раскопки в Крыму убеждают в том, что и в российском, и во французском обществе существует определенный запрос не только на изучение Крымской кампании, но и на сохранение памяти о ней и ее солдатах. И данный запрос не является искусственно сформированным государством<sup>33</sup>, а, напротив, демонстрирует стремление преодолеть те противоречия, которые разделили Россию и Францию в середине XIX в. и на основе общей исторической памяти создать условия для межнационального диалога.

Поступила в редакцию / Received: 14.12.2020

## References

- Aksakov, K.S. *Estetika i literaturnaya kritika*. Moscow: Iskustvo Publ., 1995 (in Russian).
- Arslanov, R.A., and Klimashin, A.L. Russian periodicals at the turn of the 19<sup>th</sup> – 20<sup>th</sup> centuries on Russian migrants' sociocultural adaptation in central Asia. *RUDN Journal of Russian History* 16, no. 3 (2017): 347–363 (in Russian).
- Ar'yes, F. *Vremya istorii*. Moscow: OGI Publ., 2011 (in Russian).
- Bazancourt, C.L. *L'expédition de Crimée jusqu'à la prise de Sébastopol: chroniques de la guerre d'Orient*. Paris: Amyot, 1856 (in French).
- Bazancourt, C.L. *La marine française dans la Mer noire et la Baltique: chroniques maritimes de la guerre d'Orient*. Paris: [N.s.], 1856–1857 (in French).
- Bestuzhev, I.V. *Krymskaya voyna 1853–1856 gg.* Moscow: Akademiya nauk SSSR Publ., 1956 (in Russian).
- Bogdanovich, M.I. *Krymskaya voyna 1853–1856 gg.* Moscow: Eksmo Publ., 2014 (in Russian).
- Bulygina, T.A. "Modeli istoricheskoy pamyati v vospominaniyakh o voyne." In *Istoriya i istoricheskaya pamyat'*, 5–19. Saratov: Saratovskiy universitet Publ., 2010 (in Russian).
- Chicherin, B.N. *Vostochnyy vopros s russkoy tochki zreniya*. Moscow: [N.s.], 1860 (in Russian).

<sup>30</sup> Хаттон П.Х. История как искусство памяти... С. 23.

<sup>31</sup> De Meaux L. La Crimée, territoire mémoriel: mémoire de la guerre, d'hier à aujourd'hui, dans l'espace Criméen – доклад на Международном конгрессе «La Guerre de Crimée: première guerre moderne?» 7–9 ноября 2019 г.

<sup>32</sup> Рикёр П. Память, история, забвение. М., 2004. С. 131.

<sup>33</sup> В силу официальной позиции Франции по Крыму, как отмечается в газете «Le Figaro», освещавшей экспедицию Фонда Пьера Малиновски, во время церемонии перезахоронения французских солдат не присутствовало ни одного официального представителя Франции. См.: <https://www.lefigaro.fr/international/sebastopol-l-hommage-russe-aux-soldats-de-napoleon-iii-tombes-en-crimée-20201004> (дата обращения: 10.12.2020).

- Dubrovin, N.F. *349-dnevnyaya zashchita Sevastopolya*. St. Petersburg: Russkaya simfoniya Publ., 2005 (in Russian).
- Dubrovin, N.F. *Vostochnaya voyna 1853–1856 godov. Obzor sobyitij po povodu sochineniya M.I. Bogdanovicha sostavil N. Dubrovin*. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk Publ., 1878 (in Russian).
- Fadeyev, R.A. *Chernomorskiy voyennyi teatr. Po povodu Krymskoy zheleznoy dorogi*. St. Petersburg: Tipografiya Vul'fa Publ., 1870 (in Russian).
- Fadeyev, R.A. *Mneniye o vostochnom voprose. Po povodu poslednikh resheniy na «Vooruzhennyye sily Rossii»*. St. Petersburg: Tipografiya Departamenta udelov Publ., 1870 (in Russian).
- Fenenko, A.V. “Classical nationalism” and foreign policy views of the French conservatives of the 20<sup>th</sup> century.” *Voronezh State University Journal. Humanities*, no. 1 (2002): 184–201 (in Russian).
- Ferbalier, M. *Histoire de la campagne de Crimée et du siège de Sébastopol par M. de Ferbalier, officier d'état-major*. Paris: [N.s.], 1854 (in French).
- Giustiniani, H. de. *Commentaire sur les opérations militaires en Crimée*. Paris: [N.s.], 1857 (in French).
- Gladyshev, A.V. “Velikiye srazheniya v istoricheskoy pamyati ili Pochemu mashut kulakami posle drake.” In *Istoriya i istoricheskaya pamyat'*, 167–182. Saratov: Saratovskiy universitet Publ., 2019 (in Russian).
- Gouttman, A. *La guerre de Crimée 1853–1856. La première guerre moderne*. Paris: Perrin, 2003 (in French).
- Katkov, M.N. *Sobraniye peredovykh statey Moskovskikh vedomostey*. Moscow: Izdaniye S.P. Katkovoy Publ., 1897–1898 (in Russian).
- Khatton, P.Kh. *Istoriya kak iskusstvo pamyati*. St. Petersburg: «Vladimir Dal» Publ., 2003 (in Russian).
- Kuznetsov, A. “Medals in memory of the Eastern (Crimean) War of 1853–1856.” *Journal of the Ministry of Defense of the Russian Federation*, no. 2 (2009): 76–77 (in Russian).
- Pavlenko, O.V. “Crimean War in the historical memory of the Russian Empire at the turn of the XX–XX centuries.” *RGGU Journal. International Relations. Foreign Regional Studies*, no. 18 (2014): 9–37 (in Russian).
- Pogodin, M.P. “Pribytiya gosudarya imperatora v Moskvu.” *Moskvityanin* 5, no. 17, 18 (1855): 1–7 (in Russian).
- Pogodin, M.P. *Istoriko-politicheskiye pis'ma i zapiski v prodolzheniye Krymskoy voyny (1853–1856)*. Moscow: Tipografiya V.M. Frish Publ., 1874 (in Russian).
- Rikor, P. *Pamyat', istoriya, zabveniyе*. Moscow: Izdatel'stvo gumanitarnoy literatury Publ., 2004 (in Russian).
- Roy, J.-J.-E. *Histoire du siège et de la prise de Sébastopol précédée d'une notice sur la Crimée et sur les causes et les principaux événements de la guerre d'Orient*. Tours: Mame, 1856 (in French).
- Skitskiy, N.V. *Krymskaya voyna 1853–1856 gody*. Moscow: Veche Publ., 2006 (in Russian).
- Tatishchev, S.S. *Russkaya diplomatiya, staraya i novaya. Yevropa nakanune Vostochnoy voyny 1853–1856 godov. Polemicheskiye stat'i o diplomatii*. Moscow: LENAND Publ., 2017 (in Russian).
- Yakovlev, A. *Krymskaya voyna 1853–1856*. Moscow: Palomnik Publ., 2007 (in Russian).

### Информация об авторах / Information about the authors

**Малиновски Пьер**, президент Фонда развития русско-французских исторических инициатив.

**Pierre Malinowski**, President of the Foundation for the Development of Russian-French Historical Initiatives.

**Линькова Елена Валентиновна**, доктор исторических наук, доцент кафедры истории России РУДН.

**Elena V. Linkova**, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Associate Professor of the Russian History Department, RUDN University.